

Зем. Ленинград, 1982, 18 авт., № 190.

НА СЦЕНЕ — ГОСТИ

Сильные духом

Нынешнее лето богато гастролями интересных художественных коллективов. Важным событием в духовной жизни Ленинграда стал заключительный показ спектаклей театров РСФСР, посвященный 60-летию образования СССР. У театров немало впечатлений, что приезда Куйбышевского академического театра драмы имени М. Горького — одного из самобытных коллективов страны — все же ждали с особым интересом.

Разнообразна гастрольная афиша театра. Коллектив, носящий имя М. Горького, пришел «Сыковским» — пьесу, имеющую непростую сценическую судьбу. В этом же театре она идет свыше десяти лет. Решились гости показать на сцене БДТ и «Ревизора», вероятно, не для того, чтобы вступить в творческую полемику со спектаклем художника. Но для того, чтобы представить зрителям собственную версию комедии Н. Гоголя, продемонстрировать мастерство своих авторов. Есть также в репертуаре куйбышевцев классические пьесы, такие, как «Гамлет», «Борис Годунов», «Чайка», к примеру. Работа над ними — это сердечный экзамен на творческую зрелость. «Тартюф» Ж.-Б. Мольера, показанный ленинградцам, — также из этого ряда. Зарубежную драматургию представляют новый спектакль «Наполеон» Ф. Бруннера, а также «Визит старой дамы» Ф. Дюранната и «Дом на скале» Х. Вудлийски. Играется драма В. Розова «Гнездо глухаря», хорошо известная ленинградцам по спектаклю Драматического театра имени В. Ф. Комиссаржевской. При таком репертуарном диапазоне «Усевятских шлемоносцев» Е. Носовой все же выглядят незванным неожиданным. Этим сложным и, как представляется, принципиально важным для коллектива спектаклем открыл театр гастроли.

Пьеса Е. Носовой, впервые опубликованная четыре года назад в журнале «Наш современник», влилась в русло творчества о Великой Отечественной войне, в которых крупным планом исследуется человек в его поседневном деле, но в обстоятельствах чрезвычайных. Для жителей деревни Усевятье, что затерялась где-то среди просторов России, весть о войне, как и для всего народа, была неожиданной, горькой, круто и больно ломавшей их судьбы. Спектакль начинается с prologue. На фоне кучевых предгрозовых облаков десяток мужчин с азартом косят траву. Идиллическая картина мирного труда. Но вот вспыхнет на миг раз-другой кровавый зарево — и накалится эта безмятежная атмосфера. Когда придет страшная весть — война, мало кто сразу поверит. С кем? С германцем? У нас же договор о ненападении! И только тогда, когда голос диктора Ю. Левитана сообщает трагичные вести с фронта, только тогда усевяты поймут, постигнут всем сердцем размах наступающей трагедии. И не будет на сцене более идиллических картин жизни, и каждая встреча, каждый разговор, каждая весть приобретут иной смысл. Последняя встреча с любимой. Последние посиделки. Последний взгляд на жену и сына. Время немножко будет идти на встречу войне. Драматизм ситуации опомняется тем, что они, усевяты, всегда думали о войне короткой, ну, погоды, год, ну, два... Мысленно сейчас, с высоты исторического опыта, знаем истинную цену победы — двадцать миллионов жизней, четыре года героической борьбы и страданий, вос-

становление народного хозяйства, голод, лишения, беды, горе. Война и сегодня напоминает нам о себе, ее экономические, моральные последствия преодолевать довелось и тому поколению, кто из народа запаха порока, кто родился уже после войны. Для нас, советских людей, тема Великой Отечественной в жизни и искусстве — тема священная. 35-летний Победы посвятил театр этот волнующий спектакль.

Об этой работе куйбышевцев уже много писали, в том числе в «Правде». Мне же хочется подчеркнуть плодотворность поисков режиссера (он же и инсценировщик) народного артиста СССР, лауреата Государственной премии РСФСР П. Монастырского, который вслед за автором повести основное внимание сосредоточил на анализе духовных предпосылок подвигов простых людей, на плечи которых и выпала основная тяжесть войны. Постановщик и актеры очень верно уловили психологическое состояние людей в переходный, рубежный период из жизни: мира и войны. Люди в глубоком тылу еще продолжали, словно по инерции, привычно жить трудовыми буднями, но в их сознании, их психологию неумолимо входила война — жесточайшее испытание на человеческую прочность. Оставаясь физически в Усевятье, духовно они уже шли на встречу грозе. И эту духовную перестройку в людях — прошла всего одна неделя — театр показывает скрупулезно, точно, честно.

П. Монастырский по сравнению с повестью значительно усиливает тему русских воинских традиций. Шелом да меч у русского народа всегда должны были лежать рядом с плугом да косой, быть готовыми для отражения набегов врага. «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнит!» — говорили на Руси. И быть бы Касьянам, Алексеем, Михаилом... мирными хлеборобами, да Родина-мать зовет на защиту. И быть им тогда шлемоносцами, заступниками человечества, победителями. Тема эта отражена и в знавесе-метафоре: шлем, копья, мечи на нем, на из фоне трудающих юнош.

Режиссер одним из центральных героев спектакля делает деда Селивана (прекрасная работа народного артиста РСФСР С. Пономарева). К нему тянутся молодые мужчины, кому предстоит идти на фронт, у него, воевавшего еще в японскую и первую мировую войну, ищут они совета и поддержки. Селиван С. Пономарев, естественно, не жаден даром предания, но его мудрый опыт и знание молодежи по ее трудовой жизни помогают ему увидеть во многих из них будущих героев. И не случайно поэтому именно он, седой и дроздый Селиван, напоминает перед отправкой на войну держать речь, а не председатель колхоза, как у автора. Из его рук молодые перенимают альный флаг — под ним идти вперед. В речи Селивана — гордость и призыв, патетические и лирико-отеческие ноты.

Спектакль — и не только в связи с образом Селивана, но и других центральных персонажей, добротно сыгранных артистами, — дает возможность перазмыслить о том, как современное искусство, обращаясь к прошлому, раскрывает диалектику национального и социального в характерах. Будущие ратники, уходящие по пыльным дорогам на войну, всецело были воспитаны нашим обществом. Личность же

Селивана, сформировавшаяся еще до Октября, в других социальных условиях, оказалась раскрыта новой действительностью, душа его наполнялась новым содержанием.

Трудна драматургия «Усевятских шлемоносцев», здесь нет возможности актеру показать развитие характера во времени, нет развернутой фабулы. И хорошо, что театр искусственно не восполняет недостающие для традиционной драмы компоненты. П. Монастырский берет и тексту, и логику повести, и ее эстетическую особенности. «Переводя повесть на язык театра, он ограничивает арсенал выразительных средств, сохраняет главное внимание к движению человеческой души, неброскому быту среднерусской деревни. И там, где принцип этот нарушается, там особо ощущимы потери спектакля, там погибают необязательные масовки, моменты, только иллюстрирующие, не дополняющие и не углубляющие показанного. В некотором условно — театральном мире деревни, выстроенным художником И. Мендковичем, неуютно порой чувствуют себя артисты, плетущие тонкую психологическую связь. И вполне закономерно, что самыми сильными сценами в спектакле стали дуэты Натахи (заслуженная артистка РСФСР Н. Радолицкая) и Касянина (заслуженный артист РСФСР И. Морозов). В работе артистов ощущимо видно эстетическое кредо режиссера и театра.

И веришь, что такими были или могли быть люди села начиная «сороковых — роковых». Они трудились, верили, растяли детей, мечтали. Лица Натахи и Касянина — эти удивительно красивые особой духовной красотой русские лица — были открыты, улыбчивы, души их распахнуты. Но грянуло горя горькое, души постепенно — день за днем, от сюдии СССР по свежие газеты с начальными новостями с фронта — закрываются, глаза меркнут. Не показать горя другому — им и сажим тяжело. И будет Касянин два дня скрывать от Натахи повестку на фронт, а сердце все почувствует, ее руки защищают отстирают мужину белье да (не дай Бог!) последний раз повесят его рядом с детским, повязав руку ребенка и мужа крепким узлом. Такова примата — для счастливой судьбы. Одна лишь деталь — не в спектакле. Немало — но говорит нам об огромной внутренней драме, творящейся в человеке, о надеяющихся на них горе.

В рисунке роли Н. Радолицкой угадываются черты крестьянки и образ русской мадонны. Что падет на ее женские лялечки за четыре года войны — об этом хорошо знает мы, зрители, но еще не знает она. В этой ситуации — неведение судьбы героя и историческая знанность современника — режиссер увидел большую смысловую энергию, усиливающую драматизм повествования. И Морозов и Н. Радолицкая, как и С. Пономарев, сумели создать глубокие народные характеры. И Морозов убеждает, что его персонаж сможет стать героям. И спектакль всем зодом своим подводит зрителей к мысли, что исход великих испытаний зависел от усилий всего народа, складывавшихся из участия каждого в борьбе на фронте ли, в тылу, если чайка воспелась — в себе потребность ежедневной духовной работы.

Видимо, и в самом деле российская деревня Усевятье была светлым местом, если там жили такие красивые душой люди. Они — первые десять хлопцов и мужиков — ушли воевать за свою деревню, за Россию, за всю нашу огромную многонациональную страну, которая для них была Усевятьем. Впереди у них была война в четыре долгих года. Выстроившись ядром рампы, усевятские шлемоносцы смотрели в зал, в свое будущее.

В. ПОТЕМКИН

На снимке — сцена из спектакля «Усевятские шлемоносцы».

ФОТО А. ИВАНОВА